

Светлана Мурси-Гудёж
БЛЮЗ ДЛЯ ФАВНА
Пергамская сказка

И боги знают печали, но скоро они проходят, и снова водворяется радость на Олимпе.

«Кто-то козлоногий подлетел и припал к руке, раскинул на траве шелк, осведомился о том, хорошо ли купалась королева, предложил прилечь и отдохнуть» М.А.Булгаков «Мастер и Маргарита»

Они сливались. Впереди – несколько секунд орбиты, и чистая, ни с чем не сравнимая, звенящая нота.

- Что, что ты делаешь? – тетя Лида вопила в мозгу у Клары. Как часто Кларе мешали по жизни вот эти голоса - родители, воспитатели, учителя, начальство, вечно указующие голоса, которые на каком-то основании решили, что именно они знают, как надо жить. Голоса тех, кто считает, что они сверху. - Что ты делаешь??? И внезапно голоса исчезли, и остались только они вдвоем. Они сливались... Они сливались...

.....

Два голоса, диссонировав, вели странную, непредсказуемую мелодию, разносившуюся в гулком зале. Античные скульптуры безучастно смотрели на два колченогих динамика, вклинившиеся меж ионических колонн.

- Всё-о-о проходит-т, - пело сипловатое сопрано, не женское, а бестелесное, ангельское. Те-е-бя нет-т! Нет-т ничего! – вторило, диссонировав, колоратурное, колокольчик, не девичье, не младенческое. Так, наверное, пел бы Маленький Мук. – Нии-чего.

Жуть подступила исподволь, Клара передернула плечами и поправила очки. Не зная ни одной ноты, она была музыкальна, диссонансы доставляли ей мучительный физический дискомфорт. Клара целенаправленно шла в античную залу, подыскивая себе «жертву». Мысль о том, что в течение, как минимум, часа, надо слушать два голоса – ангела и Маленького Мука... Тебя-я-я нет-т! Всё-о прохо-одит-т! Бр-р!

Соседний зал тоже был античным. Педантичный служитель собрал в нем скульптуры эпохи упадка. С точки зрения того, кто собирал, это был упадок. В рассеянном свете sfumato не было статично повернутых голов, канонических поз, даже выверенные столетиями пропорции были немного искажены. Мука, безнадежное отчаяние, переплетение тел в агонии, поедание плоти собственных детей... Клара сглотнула рефлекторно и поправила очки. Бр-р-р! Хотелось позитива, умиротворения, кого-нибудь дружелюбно настроенного, кто благосклонно отнесся бы к ее потугам со скетчером.

Клара не умела рисовать. С раннего детства и при любом удобном случае она бралась за карандаш. Карандаш немедленно пресекался тетей Лидой: в семье Клары презирали «рисовальщиков-нищевродов».

Научиться рисовать – вот задача, которую поставила себе Клара, когда мир полностью перевернулся. Когда мир полностью перевернулся – любые способы хороши, чтобы забыть, что он перевернулся, иначе сама перевернешься вместе с ним.

Месяца два Клара сидела над разными вариантами штриховки. В последнее время, совсем осмелев, она начала вытаскивать скетчер в скверах.

Что страшило: кто-то тихо подойдет сзади, посмотрит в скетчер и скажет: «Совсем не похоже!». Так часто бывало в детстве, когда Клара пыталась нарисовать что-то на людях. Вдоволь наскетчившись на пленэре, Клара поняла, что самый лучший способ – не обращать ни на кого внимание, залезать в свой шалашик – кулечек из крафтовой бумаги.

Как будто вокруг нее никого нет. Главное – не обращать внимания на гуляющих вокруг мам с детьми, дотошных говорливых бабушек и субъектов, которых даже сзади чувствуешь за два метра по выхлопу.

Набравшись храбрости, Клара шла в музей рисовать гипс. Если ты решительно не обращаешь внимания ни на кого, то любопытные не подходят.

В рядах гипсовых рук, ног, голов, копыт она искала дружелюбное, дружелюбное, единственное дружелюбное, не обязательно человекообразное существо, с которым сможет начать рисовать.

Начинать с корчащихся в муках не хотелось. Первый опыт художника определяет весь дальнейший рисунок.

Кларе мечталось ... не о выставке, нет... Ей просто мечталось, что кто-нибудь когда-нибудь подойдет сзади и скажет: «Классно нарисовала».

.....

Меж скорченных фигур Клара наткнулась на странный бюст. Откинув голову и выпятив аппетитный кадык, свесив расслабленную левую руку, не корчился в муках, не был терзаем и удушаем чудищами, не ел собственных детей ... просто классный парень. Клара поправила очки и подумала, что отбоя не было у того натурщика, что позировал скульптору во времена упадка. Парень спал, явно перебрал накануне, на небритой правой щеке застыла ложбинка усмешки.

Первое, на что смотрела Клара, изучая нового мужика, - руки. Клара придирчиво рассматривала расслабленную кисть, свесившуюся во сне. Мускулистая, с цепкими, удлиненными жилистыми пальцами. Представила, как эти пальцы...у-у-ух!

На табличке было написано – какой-то там фавн. Фавн? Кто это? Что-то римское.

Сев на потертую музейную банкетку, Клара долго всматривалась. Зал пустовал. Только охранник, привлеченный необычным сосредоточенным вниманием к экспонату, время от времени выглядывал на гипсовом горизонте – не совершит ли посетительница какого непотребства с драгоценным экспонатом.

В конечном счете он спит. Ему все равно. Что было ночью – понятно. Бухал и отжигал с римлянками. Про возможных римлян Клара старалась не думать.

У ее бывшего тоже была привычка спать вот так вот, свесив руку, с легкой ложбинкой усмешки. Такая прашурная дразнилка для женщины, которой все еще мало, а мужик уже заснул. Смотри, любуйся, изнывай, все равно – я уже дрыхну!

Воровато достала скетчер. А рисовать здесь можно? Если все снимают, почему нельзя рисовать?

Первые четыре листа не получалось ничего. Кусала карандаш, стирала тоненькими пальцами неровные линии, кусала-стирала, кусала-стирала, кусала-стирала, кусала-стирала.

Почувствовала спиной – в зале есть кто-то еще. Главное - не оглядываться. Есть и есть. Включаем опцию анти-Вий.

Подняв глаза, вместо фавна Клара увидела огромную жопу в клеточку. Жопа с тщанием, не пропуская ни строчки, изучала длинную аннотацию к фавну на табличке. Клара вздохнула и замерла – только бы не спугнуть то мимолетное, что было пару секунд назад, когда рука сама заходила по скетчеру. Жопа посопела, и разочарованно, не дождавшись скандала, перешла к скрючившимся в муках экспонатам.

Клара провела всего пару линий, как к фавну подковылял костлявый комарообразный мужик с перекошенными плечами и зажатым под ухом включенным на полную громкость смартфоном с аудиогидом.

Чтоб тебя! Клара испепеляла мужика взглядом, но косоплечье все маячило. В зале сорок скульптур, но нужно заслонить именно ее модель. Приплюснутый комар колготился вокруг фавна, в секундном просвете Клара схватила телефон и быстро нажала на камеру. Нарисую по фотке! И вовремя: в зале оказались две сухопарые чмокающие старушки, три дамы бальзаковского возраста в гирляндах самоцветов, влюбленная пара геев в драных джинсах, лысый копыеносец с моноподом, священник в темных очках и тридцать пятиклассников, хихикающих от вида голых скульптур. И все подошли... Ну конечно... именно к ее модели. Главное – не рефлексировать. Клара вышла в соседний зал. Всё-о проходит. Тебя нет-т!-тянул голос сиплого ангела.

- А вот это у вас что? – спросила она у очумевшего капельдинера.

Капельдинер с ненавистью посмотрела на колонки:

- Это у нас фестиваль жизнеутверждающей музыки «Вкушай пока можешь».

Через полчаса Клара вернулась к Фавну. В зале вновь было тихо, лишь охранник на гипсовом горизонте меланхолично тарачился на опостылевшие статуи.

- Всё-о проходит-т, - протянула Клара тихонько, поправила очки и достала карандаш.

.....

Скульптор Азариас нервничал. Невозмутимое с морщинами-ущельями лицо было бесстрастно, но цепкие, жилистые пальцы крутили стек.

Утро было прекрасным. Снизу с маслобойни доносился запах свежих раздавленных оливок, и пронзительное пение работника: «Все-о проходит» - звенел в воздухе мальчишеский голос иногда срываясь на низкие нотки.

Солнце подглядывало в мастерскую, золотило ложе натурщика, покрытое шкурами, станок-кобылку с железным каркасом, наполовину обмазанным глиной, из которой неуловимо проступали очертания человеческой фигуры. Скульптор подошел к окну, щипнул гроздь винограда. Кислятина, надо вырвать к черту эту лозу, посадить другую - хоть из тех, что привозят торговцы из Смирны.

- Где же носит эту тварь? - в очередной раз и уже вслух сказал скульптор. - Клянусь Аполлоном, я так никогда не закончу. Азариас в который раз, играя пальцами резцом, обошел груды глины, обернутую влажной тряпкой.

Снаружи слышались шаркающие шаги – по неровным плитам кто-то поднимался, оступаясь, соскальзывая и сквернословя на каждом шагу. Ругательства были забористые, моряцкие, из тех, что употребляют, когда триера внезапно напоролась на подводную скалу.

- Не прошло и года, - прорычал Азариас. – Сейчас закончу статую, получу с римлянина деньги, и больше никогда, никогда не увижу эту гадюку.

Дверь с грохотом распахнулась, стукнувшись о стену. На пороге стоял Дайотодос по кличке Ампелайос - парень лет двадцати без определенных занятий.

Поговаривали, что за пару серебряных монет Дайотодос уже отправил к праотцам несколько пергамцев. С младенчества Дайотодоса брали работать натурщиком. Заказы сыпались как из рога изобилия, в особенности после того, как появился в Пергаме Влазис с Родоса. Предпочитал конкурент Азариуса красивых юношей, и после работы частенько оставался с ними в мастерской.

- И что? – еле сдерживаясь, повернулся Азариас к фигуре, лежавшей на дверном косяке. – Я просил прийти как встанет солнце.

- Я пришел, – язык у Дайотодоса еле ворочался. По мастерской распространился сложный запах перегара, немытого тела и каких-то непотребств. Рваный хитон Дайотодоса был надет

кое-как на покрытое разводами тело, огрызок гиматия был так грязен, что издали напоминал мешок, и каким-то чудом держался на левом плече. Исцарапанные босые ноги были покрыты ссадинами.

Не сдержавшись, Азариас выругался забористо, но тут Дайотодос вдруг потерял равновесие и рухнул на пол со звуком расколотой амфоры. Азариас швырнул стек в сторону, так ему хотелось взять и воткнуть в горло этой гадюке.

- Все утро мне испоганил, бормотал Азариас, на крик, однако, не переходя - а то вдруг встанет Дайотодос на похмельные ноги, развернется и убредет восвояси. Заказ римлянина окажется незаконченным. Дайотодос, однако, сладко спал там, где упал.

Азариас не выносил грязь в мастерской. Не ту грязь, которую порождают глина или мрамор в работе, а ту, которую приносят люди. Он отволоку забулдыгу в угол, где хранились драгоценные глыбы. Во сне натурщик отвратительно ругался, продолжая бражничать с собутыльниками в кабаке у городской стены.

Со двора Азариас принес полную гидрию, содрал с Дайотодоса тряпье, перевернул его на спину и вылил вдоль тела искрящуюся в лучах солнца воду. Можно вымыть его только спереди, все равно – сзади ложе, с ненавистью подумал скульптор. Еще время тратить.

Как и ноги, живот Дайотодоса тоже был весь в синяках, царапинах, справа под ребром красовался свежий глубокий порез – видно не убить хотели, а попугать пьяные собутыльники.

Шея натурщика темнела засосами. Дайотодос любил без разбора – и женщин, и мужчин, и даже, по его же рассказам, к молоденьким козочкам был неравнодушен. Вот ведь пакость! – сплюнул Азариас, а ведь мог бы быть красив, как олимпийские боги. И даже, возмужав, для Зевса бы сподобился натурщиком. Но не успеет - сопьется, или прирежут, или искалечат забулдыги в кабаке.

На своем веку Азариас видел настоящую красоту: дев, от которых мозг вскипал как подводный вулкан, юношей, от которых невозможно было оторвать глаз. Они могли соперничать с великими богами Олимпа – и соперничали – ведь ходили легенды о тех, с кого бессмертный Пракситель творил Аполлона Сауроктона и Афродиту. Азариас видел статую Афродиты своими глазами, и думал, думал, думал, вот откуда такой дар может быть у такого же как он? Или откуда тот, другой, берет таких моделей? Или должно быть и то, и другое? И дар, и модель должны послать творцу боги-олимпийцы, чтобы создать Аполлона и Афродиту? И красота должна быть чистой красотой, нетронутой ничем, и Фрина, с которой Афродиту творил Пракситель, давно умерла и обратилась в прах, а Афродита - вот она – горделива и жива. Нетронутой должна быть красота ничем земным, обыденным, иначе теряется то, неуловимое, то что нахлынет грозовому воздуху подобно, что между скульптором и натурщиком во время работы дрожит и накаляется. И тогда статуя живет.

- Сколько же их было, не удавшихся, - с горечью думал Азариас. Как часто, в молодости, по окончании работы, заказчик говорил ему, творцу, жестокое: «Нет!». Когда дверь закрывалась, Азариас брал молот и крушил гипс на мелкие осколки. Со временем он научился сдерживать себя, уходил из мастерской на день-два, бродил по кабакам, беспутно проводил ночи с подвернувшимися женщинами, вернувшись всегда находил другого покупателя на отказной гипс. И бесформенная глыба мрамора покрывалась пунктиром

Как быстро уходит красота. И вот юноша, с которого ваяли вначале Эрота, потом Гименея, потом Гермеса, затем Аполлона, превращается в потасканного, пропахшего перегаром мужлана с отвисшим животом, дряблой гусиной кожей на шее, сеточками сосудов на крыльях ноздрей. До модели для Зевса мало кто из натурщиков доходит, раньше они превращаются в Сатиров. Всё-о проходит-т, - затынул Азариас под нос песенку, доносившуюся из маслобойни. – Всё-о.

Гадюка тем временем сладко спала. Надо успокоиться и приступать к работе. Солнце в зените, а еще чист стек и глина обмотана тряпкой. Римлянин ждет статую спящего

Аполлона для своей пергамской резиденции. Римлянин терпелив, не упрекает его за задержку, уже даже внес щедрую предоплату.

Азариас напрягся и втащил спящую гадюку на помост, оправил шкуры, смазал маслом порез на ребре Дайотодоса, чтобы тот не кровоточил. Доиграется - прирежут и будет в Пергаме одним тунеядцем меньше.

Азариас постарался расположить тело величаво, как спит Аполлон. Тело не слушалось, ноги разъезжались, руки висели как плети. Толку от модели никакого. Грохнуть что ли гадюку и расположить его так, как надо. У Азариаса были бы сутки, чтобы закончить работу. Можно и при масляных лампах поработать ночь - не впервой, когда заказ горит. Спрятать тело на пустыре за городской стеной. Решат, что упал со стены и свернул шею. Или спихнули пьяные дружки. Забулдыгу и искать никто не будет. Его, Азариаса, никто не заподозрит. Он – уважаемый человек, не богач, но свой дом с мастерской, и не в нижней части города, а на середине акрополя, свой виноградник и оливковая рощица. Творец и протееже богов. И член синедриона, что немаловажно. Ну как можно члена синедриона подозревать в убийстве забулдыги? Азариас взялся за молот, которым крушил неудавшиеся статуи и стал примериваться, как поудачней грохнуть Дайотодоса по затылку, чтобы лицо не пострадало. Затылок все равно на ложе откинут. Гадюка сладко потянулась во сне и пошире расставила ноги.

В дверь постучали. На пороге стояла богатая вдова Гликерия, пришедшая посмотреть на работу над чужим заказом. Всего за неделю до этого Азариас закончил для Гликерии двух прекрасных юношей, льющих воду из амфоры для фонтана. Вдова была хороша, на Азариаса смотрела благосклонно, юношами-натурщиками тоже любовалась благосклонно, даже когда они отвратительно сквернословили между собой при разделе оплаты за сеанс. Гликерия с удовольствием присутствовала на всех сеансах – и на своих заказах, и если удавалось, на чужих тоже.

Вдова проскользнула в мастерскую, пристально осмотрела растопырившегося Дайотодоса, мокрые кудри, сияющие в лучах солнца, чуть кровоточащий порез на ребре и свесившуюся руку. Рука... У вдовы затрепетали ноздри, как у рыси, обнаружившей в лесу козленка. Азариас спрятал молот под грудой мокрой ветоши.

- Работаем, - сказал Азариас раздраженно. Патриций Рубентий заказал мне изваяние спящего Аполлона, так что эта статуя уже обещана.

- Я про статую не спрашиваю, - ноздри продолжали раздуваться, - а кто натурщик?

- Это – Дайотодос по кличке Ампелайос. Прозван так за то, что с ранних лет не видит жизни без амфоры с вином. С него, уже прошло лет семь, как изваял я юного Гермеса, что украшает жертвенник у рынка и служит для удачи купцов Пергама в делах торговых. Хороший был заказ и заплатили щедро. Гермес с него – прекрасный получился, ведь плутовство и хитрость в крови у этого сынка пергамской шлюхи.

- Сейчас он тоже ничего. В самом соку, - ноздри достигли апогея, у вдовы покраснела шея и мочки ушей. Зенитное солнце освещало Дайотодоса во всей красе.

- Бухарик из таверны, - сказал Азариас. – Драчун и сквернослов. И любит без разбору, мужчин и женщин. И козами не брезгует. Тьфу, пакость! Мученье сущее, а не модель! Вы полюбуйтесь, как отделали в таверне эту дрянь! Работать надо, а дрыхнет он без задних ног, хорош мне тоже – спящий Аполлон, и выглядит как будто ночь провел он в мялке для оливок.

- Он долго спит?

- Достаточно, и скоро не проснется.

- Какая жалость, - и вдова ушла.

Солнце скользило по мышцам свисающей руки и ложбинке на правой щеке. Азариас выругался, взял стек и провел борозду по мокрой глине.

.....

В 8:58 цокая каблучками в орен спассе влетела секретарь Юнона. Клара подумала – как странно, что у нас секретарь с римским именем. Хмурые заспанные коллеги подтягивались, пережевывая одни и те же офисные максимы про утро понедельника. Из года в год холостые рассказывали об угарно проведенных выходных, семейные – о детях, коварстве бэбиситтеров и небывалой распродаже в «Юпитере». Так странно, - прислушивалась Клара, у нас вокруг так много римских имен и названий.

В попытках сосредоточиться и хоть как-то заставить себя работать, протянулось время до ланча.

Клара работала машинально, раз и навсегда войдя в одну колею, рассылая e-mail'ы, отвечая дежурными смайликами в ответ на присылаемые в What's App сетевые мемики и остроты. Перед глазами стояла ложбинка на правой щеке.

- Всё-о проходит – пел сиплый ангел. Всё-о.

В орен спассе потянулись запахи из микроволновки. Клара подняла глаза – за перегородкой бултыхалось грузное тело зав.складом, отвинчивая крышку с контейнера с борщом. С контейнером, полным дымящейся цветной капусты, к Кларе подсаживалась Ника.

- Ты сидишь как в воду опущенная, с утра не подошла даже, - защebetала Ника церемонным голоском – так принято в орен спассе, когда хочешь сострить и привлечь внимание пары соседних боксов. - Выхи как? Ника поправляла пучок на голове, уложенный в корону на макушке.

- Да так, - рассказывать Кларе и хотелось, и не хотелось. Вроде хотелось похвастаться – тогда, во второй раз, у нее почти получилось. Скетчер прожигал сумку, просился наружу. Но что-то удерживало.

Любовные прогнозы Ники сбывались только в отношении самой Ники, для Клары же всегда проваливались.

К ним подседа Вангеля – Евангелина Аксеновна – добродушное создание с идеализмом, разъеденным радикулитом. Росту Вангеля была неимоверного, даже самый огромный охранник с баскетбольным прошлым рядом с Вангелей выглядел плюгавенько.

В дополнение к своему росту Вангеля ходила на 15-сантиметровых шпильках и любила леопардов. Леопардовые платья, сумочки, туфли странных оттенков покрывали ее гигантскую фигуру муаром, а неумный радикулит заставлял морщиться и вздрагивать при каждом шаге.

Когда голубые леопарды морщась и вздрагивая подгромыхали к ним с контейнером дымящихся рассыпчатых картофелин, в глазах у Клары замуарило.

- У Кларки что-то случилось в выходные – Ника безапелляционно тыкала в контейнер. – Улыбается и молчит, и слова не вытрясешь.

- Ну и? – Вангеля разминала картошку в контейнере. Скетчер в сумке пылал, Клара сдерживалась из последних сил.

- Гуляла просто.

- Ну ведь врешь - Ника припирала ее к стенке. Встретила?

- Встретила? – уставились леопарды.

- Встретила, но еще ничего не понятно.

.....

Патриций Рубентий был бесперспективный добряк. После прихода Сульпиция на место первого консула Рима, патриций понял, что никогда не взойдет на вершину, к славе и

браздам правления. Не было в нем ни кровожадности, ни беспощадности, которая необходима, чтобы вести легионы в бой на Македонию, ни беспринципности для политических баталий. А фамильное состояние и дом предков над Тибром – это еще не все. Сульпиций патрицию не благоволил. Рубентий не умел ни красиво подать себя на собраниях, ни в термах, под тогой прятал внушительных размеров живот, перед собственной супругой Алесто не по-римски трепетал, любил полный дом рабынь, да покрасивее – чтобы на пирах хвастаться было можно.

О ратных подвигах и новой войне с Македонией Рубентий не мечтал. Когда выдалась возможность, Рубентий продал фамильный дом на холме над Тибром, и с супругой Алесто, домочадцами и избранными рабынями перебрался в еще не до конца покоренный солнечный Пергам. По дороге натерпелся страху – судно два раза попало в шторм, но боги были благосклонны, пираты им не встретились, и целым и невредимым Рубентий добрался до Пергама. Он представился при царском дворе как неофициальный гость, вполне определенный по статусу римский патриций, лично с первым консулом знакомый.

Пергам встретил Рубентия настороженно. Местное вино оказалось терпким, со своеобразным пергамским вкусом, козий сыр - восхитительным. В услужение к Рубентию тут же поступили две юные пергамки, присланные заботливыми горожанами, которых он, однако оставлял убираться в дальних покоях.

Пергамцы отнеслись к Рубентию как к дорогому заложнику, чья участь предрешена, если Этолийский союз распадется, и Пергам вновь обретет независимость от Рима. Однако, царский двор и городские мужи отправили к первому консулу послов, в войне с Македонией встали под римские штандарты.

Рубентий за бесценок (по римским меркам) купил недостроенную резиденцию на середине акрополя, за копейки нанял строителей, чтобы достроить недостающие покои ПО РИМСКОМУ образу и подобию, а в достроенной части обосновался с домочадцами и рабынями. Древняя стена вокруг резиденции была увита почти таким же древним виноградом, ягоды кислили, но Рубентий начал привыкать. И как-то в разговоре с домочадцами поймал себя на фразе «нам не сдались эти вонючие воды Тибра».

Дабы среди пергамцев не прослыть римским варваром, Рубентий для ПАТИО заказал ваятелю Азариасу статую дремлющего Аполлона. Да сообщит она новой резиденции покой и покровительство муз! Тибр далеко, пусть катит свои воды. Македония? Кому сдались эти ратные подвиги?

- Беда с бабой, - Ника авторитетно куснула пирожное, которое позволяла себе по пятницам. Две недели по скошенным стеклянным стенам орен спресе беспросветно лило, непроницаемый мутный поток уносил мечты об отпуске.
- Беда - взгрустнули фиолетовые casual леопарды, ковыряя коготь с лиловым с трещинками лаком.
- Ведь что-то происходит, но ничего не говорит. И ни одного селфика, представляешь?
- Ни одного-о, протянули леопарды. Вдруг ОН просто страшный?

Клара рисовала. Предыдущий, извасюканный графитом и затертый ластиком до дыр скетчер сменил новый, тоже уже наполовину изрисованный. Карандаши летели линиями и стачивались так быстро, что руки уставали крутить точилку. Всё-о проходит-т. Запрокинутое лицо на фотографии, ложбинка-усмешка на правой небритой щеке...

К середине второго скетчера Кларе показалось, что получилось. Более-менее правильные пропорции, расслабленная жилистая рука, ложбинка-усмешка. Всё-о проходит-т. Ложбинка Кларау завораживала.

Украдкой, между заполнением бесконечных рабочих таблиц, Клара открывала фотографию на телефоне, упиваясь запрокинутой ассиметрией лица. Еще в начале второго скетчера, она поняла, что лицо у фавна ассиметричное и повернула экран, чтобы рассмотреть его фронтально. Чуть перекошенное оно неуловимо кого-то напоминало. Кудри, были они откинуты? Вообще, они были? Костлявая, с выпирающими ребрами грудь. Висящая рука, мощная, с крепкими пальцами. Когда в скетчере возникали линии руки, мурашки проходили у Клары по спине.

.....

Сегодня леопарды в винных тонах. Этот оттенок Вангели Кларе нравится – в нем пропадает вся пизанская нелепость этого, в общем-то, милого и безвредного существа. Вангеля становится уютной, как огонь камина в дождливый день.

Клара поправляет очки и одергивает рукава кофточки офисной мышки. Обычно леопарды муарят, но сегодня Вангеля вносит успокоение. Второй скетчер с единственным удачным рисунком нестерпимо прожигает сумку.

В любом офисе работа прерывается перекурком с разговором о мужиках. Затянувшись, Ника заводит бодягу о своем очередном увлечении. Все прекрасно знают, что Ника замужем, и муж-силовик не допустит... даже не муж-силовик не допустит, а не допустит сама Ника – образцовая мать, образцовая супруга, образцовая модель для подражания.

Клара понимает – бодяга затеяна Никой с одной-единственной целью - вывести. Форменное безобразия – все эти месяцы дрызги, каши из дождя со снегом, стекающей по наклонным стеклам, и молчание, и ни одного селфика с НИМ. Они все всегда требуют, чтобы она наладила свою жизнь. Требуют родители. Тетя Лида. Бывший. Наперебой требуют Ника с Вангелей.

Если вдумываться, в представлении окружающих ее, Клары, жизнь – одна большая не налаженная катастрофа. Минное поле, на котором не знаешь, когда рванет.

.....

Азариас приветствовал Рубентия. Сдержанно, как подобает исполнителю перед заказчиком. Как пергамец-союзник, член синедриона союзников с Римом. Сейчас, поговаривали в синедрионе, судьба мира висела на волоске, любой чрезмерный или недостаточный поклон мог быть неверно истолкован. Любое слово из уст члена синедриона, даже вне политики, могло дойти до первого консула, дружбой с которым и совместными военными походами так щеголял Рубентий при каждом удобном случае.

Азариас был творец, гнева богов-олимпийцев боялся больше недовольства первого консула. Но ему не хотелось лишней раз покидать уютную мастерскую, незаконченные работы в глыбах, чтобы объясняться с другими пергамцами-членами синедриона. Да и в синедрион Азариас попал не из тщеславия, а чтобы между нескончаемыми совещаниями и рассуждениями о судьбах мира, находить новые заказы. Нужные связи никогда не лишние. Конкуренту Влазису с его скандальной репутацией любителя оргий с натурщиками в синедрион пролезть не удалось.

Рубентий раздражал Азариаса своей патрицианской спесью, заносчивостью, недоученностью и любовью к показухе. Но статуя Аполлона была оплачена, и щедро, и могла повлечь новые заказы. Оставалось за малым – сдать заказ. Ни глину, ни гипс Азариас показывать не стал. Готовый полированный мрамор в прекрасном освещении раннего рассеянного солнца предстал перед Рубентием.

.....

Каша изо льда и снега все ползет по наклонному стеклу. Третий скетчер летит к концу. Что дальше? Будет ли четвертый? Клара теперь знает каждую черточку,

каждую ложбинку ребер, выступ кадыка, жилку на мускулистой руке. Фавн возникает по памяти. Ника тыкает вилок в коробочку, леопарды сегодня травяные и умиротворяющие. Понеслись опять все те же наводящие разговоры ... расскажи... ну расскажи... Клара машинально достает из сумки третий скетчер, открывает предпоследнюю страницу.

Пласт снега задержался на долю секунды, а потом съехал вниз по наклонному стеклу. В мокрой дорожке стала видна мутная промзона, превращенная в офисные лофты. Крышка коробочки защелкнулась.

- И что? – Ника облизала вилку.

- Клево нарисовано – проходивший мимо с коробочкой пельменей Дирижабыч нагнулся к скетчеру. И тут же опомнился: - Ну, конечно, не Сикстинская капелла.

- А ноги? - изумились травянистые леопарды. Ноги где?

Новый пласт снега нарастает на стекле, чтобы неизбежно скатиться вниз.

- Какие ноги? – Клара похолодевшими кончиками пальцев поправила очки.

- Ну ноги, - Ника защелкивала клапаны на пустом контейнере. Он в ванной у тебя сидит что ли?

- Какой ванной? Это же бюст!

- А чего кафель не в ромбиках? – продолжали изумляться леопарды. У тебя же в ромбиках. Или это вы у него дома?

К скетчеру подтянулась офисная общественность: начиналось планомерное обсуждение нового мужика Клары.

- Нос чего кривой? – спросил зам. по продажам. Боксом занимался что ли? Классно нарисовано.

- Он по Зодиаку кто? – второй бухгалтер помешивала в контейнере остывающую кольраби. Скорпион? Скорпионы – они ужас какие вредные, житья от них нету никакого.

- Да нет, - сказала с набитым ртом маркетолог. Он скорее Близнец. Ты в школе что ли рисовать училась?

- Мне такие не нравятся, - хохотушка из отдела кадров поправила лямку от лифчика. Волосы вьются, на армянина похож. Он армянин?

- Он – гре.. в смысле из Греции, ну, корни греческие, - Клара поняла, что про статую лучше не рассказывать.

- М-м-м, - и живет в Греции? – заинтересованно спросила Юнона, разминая в контейнере пахучую рыбу.

- Нет, в Мюнхене¹.

- Ты к нему поедешь? – завистливо усмехнулись кадры. Или он здесь работает?

- Конечно в Мюнхен поедет, - поставил точку маркетинг. Клавка, поздравляю!

Хрустальный колокольчик возвестил окончание перерыва.

- И всё-таки, - Ника была категорична. – Где же ноги?

.....

Вопрос с ногами мучал Клару несколько недель. Уже в первом скетчере ей показалось странным основание бюста. Сердце заходило, когда Клара залезла в Википедию посмотреть, кто такой фавн. Козлоногий – прочла она в ужасе. «Кто-то козлоногий подлетел и припал к руке» - мелькнуло у нее в голове из любимой книги. Из поисковки выглядывали мохноногие рогатые существа с копытцами. «Одно из древнейших национальных божеств Италии. С человеком он общается во сне или издали».

¹ Оригинал статуи Фавна Барберини находится в пинакотеке в Мюнхене

Клара изучила целую галерею мохноногов. Ну ничего такого прямо страшного в козлоногих нет. Она еще раз посмотрела на фотографии. Никакого намека на рога. И тут только вспомнила про табличку на постаменте, которую до этого просматривала вскользь. Нажав на увеличение, прочитала надпись, набрала в поисковке «фавн Барберини» и фавн открылся во всей красе. Хоро-ош. И никаких козлоногих.

.....
- Что это? – патриций выставил ногу в сандалии из телячьей кожи и внимательно рассматривал спящего.

- Аполлон. Спящий. – Азариас был лапидарен, как любой гражданин Пергама говорящий на тарабарском наречии, на котором этолийцы объяснялись с союзниками-захватчиками.

- Он же пьян, - сказал Рубентий тоже лапидарно. Аполлон пьян?

Для гражданина Рима Аполлон не был великим богом-олимпийцем, но, тем не менее, представлял некий статусный артефакт, этакую возвышенную субстанцию, которая пьяной быть априори не может. Ну просто статус не позволяет Аполлону напиться до бесчувствия.

- Он - пья-ян, - со знанием дела констатировал Рубентий. – Только пьяный может спать вот так, свесив руку. У трезвого она затечет. И потом, ваятель... Разве Аполлон может так непристойно растопыриться? Это не Аполлон вовсе.

- Вы разбираетесь в Аполлонах? - Азариас из последних сил сдерживал накапливающую ярость.

- Да, - веско ответил Рубентий. Я доподлинно знаю, каким должен быть Аполлон. Во время наших с консулом походов мы этих статуй олимпийцев перевидали немало. Не Аполлон се вовсе, а ... пьяный фавн. Фавн – наш. Он – римский фавн. Мы, граждане Рима, весьма любим их гуляния при полной луне. И даже разделяем. Мне не понятно, почему он у вас - не козлоногий и без рожек. Был бы козлоногий – я бы взял его себе в покои для гостей, который сейчас достраиваю. Он веселил бы взор тех, кого считаю достойными в моих хоромах оставаться. А в патио не возьму. Мне нужен Аполлон. А то приедет в гости консул, проведать союзников, а тут на входе в дом приличный - такое непотребство. Пьянь. И ноги враслопыр. Да, и кифара. Где кифара?

- С кифарой неудобно спать, - поморщился Азариас.

- Это человеку. И даже гражданину Рима с кифарой неудобно спать. А Аполлону очень даже нужно.

- И что теперь?

- Как что? Переделайте. Другую статую желаю. А эту, без козлоногости и рожек, и без кифары, я не приму.

Азариасу понадобились все силы, чтобы сдержаться и не разразиться потоком пергамских ругательств. Но он вспомнил синедрион, пергамские триеры, несущиеся вместе с римскими в одной эскадре к обреченной Македонии, и как хорош кисловатый виноград на закате у портика его мастерской, и глыбы мрамора в углу для будущих творений... и, стиснув зубы, ответил: «Хорошо!».

Когда дверь за Рубентием закрылась, Азариас взял тяжелый молот, несколько секунд стоял перед спящим, накапливая ярость, потом прошипел: «Пьяная гадюка!» и с размаху ударил мраморного фавна по левому плечу. Мускулистая рука отскочила и раскололась на три части.

В глубине сознания теплилась мысль, что статую можно спасти. Что такое, в сущности, приделать руку? Но если второй, страшный удар размозжит лицо, то уже ничего не исправишь. И сколько я их буду разбивать? Этих неудачных заказов? Ведь с точки зрения ваяния – мне удалось! И пьяная гадюка Дайотодос в мраморе – как

живой, не-Аполлон и без кифары! И ноги враслопыр. И подбородок в мраморе небрит. Ложбинка на щеке, от коей без ума мужчины, женщины, и козы. Он самсусам – не Аполлон. Всю жизнь проводит непотребно. И нос ему сломали пару лет назад в таверне. Но просто он красив своей некрасотой. Неидеальностью. Какой же покровитель муз мог получиться, коли модель – бухарик из таверны. С порезом на ребре. Драчун и сквернослов. Как туineaдец пропил красоту свою. И любит без разбору. И козы эти! Тьфу, пакость!

Азариас размахнулся... и швырнул со всей силы молот в угол на глыбы мрамора. Там есть еще одна, подходящего размера. Пыль еще играла в солнечных лучах, когда Азариас ушел на поиски новой модели.

.....

На портал знакомств Клара заходила изредка. Никогда ни с кем не встречалась. Иногда поднимала анкету в поиске и когда ей начинали присылать смайлики, чувствовала щекочущие пузырьки повышения самооценки. Ее веселили фрики-травести, искавшие женщин, странные комбинаторные пары, лесбиянки, присылавшие ей сердечки.

В этот раз Клара подняла анкету днем, а к вечеру экаунт уже был завален десятками посланий. Клара убедилась, что из соседней комнаты доносится похрапывание тети Лиды, заперла дверь изнутри, забралась ногами на свой потертый уютный диванчик. Смотрела...очки сползали с носа...десятки однообразных, усталых от жизни, вожделеющих скоростного перепихона, крепко зашибающих, помятых, седобородых, неправильных лиц, лиц, лишенных надежды, азарта, любви, лиц, не обещающих ничего хорошего, интересного и жизнеутверждающего, лиц без прошлого, без будущего, без надежды, беспросветных, вульгарных, просящих кирпича, разводящих на деньги, вожделеющих экспериментов...Они хотели секса, секса и секса, которого им никогда не давали ни жены, ни случайные бабы, ни эксперименты.

- Мы устроены по-другому, - очки упорно сползали с носа. Клара тихонько бормотала под нос. Хотя нет, наверное, у Ники секс – это вопрос бесконечной подачи себя. У Вангели – вопрос вечной мечты, к которой она стремится и которой никогда не сможет достичь. Мечты о том, что кто-то полюбит ее такой, какая она есть, пизанской, леопардовой, нелепой, с радикулитными подергиваниями. Вечная мечта о чем-то недостижимом.

- А чего, собственно, хочешь ты? – спросил в голове голос тети Лиды. Наладь свою жизнь. Наладить свою жизнь. Очки сползли с носа. Клара вдруг осознала, что ложбинка на правой щеке стоит дороже, чем сотни ничего не значащих лиц из чата. На несколько секунд ее заклинило на слове «ложбинка», так бывает, когда мозг «зависает» на одном слове, начинает крутить его с разных сторон до тех пор, пока слово не теряет свою суть, не начинает казаться, что такого слова нет. Ложбинка. Ложбинка на экране. Что-то неуловимое. Ассиметричное. Нельзя сказать, что 100% похожее на то, гипсовое лицо. Что-то их связывало. Мысленно повернула голову на фотографии. В этом ракурсе парень на экране был очень похож на фавна.

Ник экранного был Парис. Дурацкий псевдоним. Парис был прямолинеен и времени зря не тратил. Тетя Лида в голове опять завела граммофон назиданий, но от Париса было не оторваться. Чем больше Клара всматривалась в фотографии, тем больше понимала, что именно такой прямолинейности ей не достает. Голос тети Лиды в голове визжал про сифилис, СПИД, гепатит В, триппер, маньяков, насильников и убийц. Очки сползали с носа. Ложбинка на щеке. Ложбинка притягивала.

В самый глухой час ночи в чате Париса появился адрес. Клара заказала такси, положила третий скетчер в сумку, накинула пальто и, бесшумно повернув ключ в замке, нырнула в неизвестность.

.....

- Госпожа, представляете, какая драка! – статный возмужалый раб, уже не юноша, но и еще не муж, массирует икры вдовы Гликерии. – А началось все как? Ампелайос и говорит: «Я – Зевса сын, мне дали имя Дайотодос!». А тот гребец из Смирны ему в ответ: «Ты - сын пергамской потаскухи!». И за ножи схватились оба. «Дайотодос? - подумалось Гликерии под сильными руками раба, - что-то знакомое».

.....

Бесшумно повернув ключ в замке нырнула в неизвестность. Промозглая ночь пробирала до костей. Такси приехало скрипучее, судя по запаху, неоднократно заблеванное. Дерганый таксист на тарабарском наречии комментировал движущиеся предметы. Очки запотели. Клара ехала в неизвестность. Но неизвестность не пугала, скорее вдохновляла. Ехали долго. Таксист чертыхался, крутил в разные стороны сломанный навигатор.

В череде панельных домов Клара нашла тот, что нужно. Позвонила в домофон. Ответа не было.

- Разводка! – грозно предупредила в мозгу тетя Лида.

Клара сидела на колченогой лавочке в полутьме в дальнем незнакомом районе. Ждать рассвета. И ехать назад.

В темноте засветился огонек. Кто-то вилял с сигаретой между припаркованных машин, напевая на блюзовый манер: «Всё-о проходит-т, всё-о». К подъезду подошёл Парис с пачкой пельменей.

- Парис! – Клара встала и поправила очки.

Парень подошел. Отбросил окурочек. Звон зажигалки и огонек вспыхнул у ее лица.

- Ты все-таки приехала! – его рука аккуратно стянула очки с носа, и Парис медленно и крепко обнял Клару. Холод пельменей сквозь пальто.

- Меня, кстати, Саша зовут.

.....

Сегодня работа шла как никогда гладко. Стекло прыгало и летело по глине. На постаменте, устланном шкурами, дремал Аполлон. Да-да, дремал, римлянин хотел дремлющего Аполлона, как пояснил толмач, пришедший вместе с Рубентием смотреть вторую модель. Вся проблема в языке, этой смеси греческого с латинским, на которой приходится разговаривать, пока пергамцы не освоят латынь. О, модель прекрасна. И трезва. Ваятель - гений. Вся проблема - в путанном греческом языке. Натурщик был Азариасу не знаком. Хозяин таверны предупредил вполголоса, что скорее всего – беглый раб. Ничего, освоится, - Азариас энергично вел стекло, поправляя пальцами глину. Освоится. Идеальное тело, идеальное лицо, идеальные пропорции. Модель для Праксителя. Натурщик был чисто вымыт, натерт маслом, надушен, выбрит и абсолютно трезв. По-настоящему Азариаса он дремал, улыбаясь в дреме победной аполлоньей улыбкой. Пусть хозяйка дома и гости римлянина будут рады. В сущности, Рубентий всего лишь хочет пристойности и уюта.

Кифару Азариас одолжил у товарища по синедриону, прославленного пергамского рапсода. Кифара оказалась сплошной морокой. Как расположить ее в дреме естественно? Ну ведь нормальный человек, и даже гражданин Рима так дремать не будет? А Аполлону дано!

- На сегодня всё, - Азариас отложил стекло. Не надо перебарщивать с работой, а то глаз замыливается.

Натурщик отложил кифару и сладко потянулся. Ему нравилось дремать за деньги. Гликерия, тоже вздремнувшая во время сеанса, открыла глаза:

- Подожди за дверью, - сказал вдова, потягиваясь.

- Азариас, помните ту статую, пьяного? Ее забрали? - спросила вдова, когда дверь за Аполлоном закрылась.

- Нет, - Азариас стирал с хитона глину. Больше всего ему хотелось остаться одному, стянуть хитон и поплескаться в бассейне. – Он там, в углу. Рука вот только... Но руку можно и приделать.

- Я заберу, - вдова сказала. С рукой желательно. Он мне подходит для украшения изголовья у ложа. Ну... для взбодренья, так сказать. А то ведь говорят, что драчуна того в таверне-то прирезали.

- Я так и знал, - Азариас устало глотнул воды. И обреченно. И с облегчением. Успокоением некоторым, что свершилось то, что боги предназначали смертному, который все дары богов просрал. – Я так и знал, что Дайотодос плохо кончит. С моделями беда все время. Как первая удача, как бутон тщеславья раскрывается впервые, увидев статую, что с них я изваял – тут сразу сносит башню. Остановиться нету сил. И пьянка, мордобой, на ложах оргий беспросветье, мужчины, женщины и козы... Тьфу, пакость! Вдова, берите! Пусть ваше ложе осенено будет прекрасным фавном римским, и то оценят вдруг союзники Пергама, что припадут к вашим стопам, ища любви, и утешенья, и сна, и радостей всех жизни! Сла-ва Ри-му! И в следующий раз вас также жду за статуей любой, какую пожелаете.

.....

Они сливались. Впереди – несколько секунд космоса и только чистая, звенящая нота. И никаких голосов. Они сливались. Они сливались.

.....

Саша спал, откинув руку. Сквозь тюль пробивался рассвет. Ложбинка на правой щеке стала заметней. Клара нащупала сумку на полу у кровати среди раскиданной одежды, машинально поправила на носу очки, оставленные в Сашином пальто. Зачем носить очки без диоптрий просто потому, что тетя Лида сказала, что очки тебе идут? На последней странице скетчера Клара набросала всего несколько линий - ложбинку на щеке и откинутую руку. Потом спрятала скетчер в сумку. Нырнула под одеяло и прижалась к теплomu костистому боку. Во сне фавн похрапывал и было это мило и уютно. Всё-о проходит-т, всё-о. Когда третий скетчер заканчивается, это повод открыть четвертый.

.....

В грязной, пахнувшей прогорклым маслом таверне черепки амфоры, кости и ореховая скорлупа похрустывали под ногами. Под лавкой прикорнула коза. Два грязных отвратительных оборванца вылизывали со стола пролитое вино. На груди тряпья возлежал, свесив руку, Дайотодос. Языком он ощупывал десну, на которой зияла свежая ранка от выбитого переднего зуба. Разрез на ключице кровоточил, но уже не сильно. Жить еще было можно. Грязь, пот, вино, кровь и синяки покрывали тело натурщика леопардовыми пятнами.

- Всё-о проходит! Всё-о! – загорланил Дайотодос песенку гребцов из Смирны.

- Заткнись! – оторвался от стола один из оборванцев.

- Мой отец, - Дайотодос ощупывал языком ранку на десне, - был Зевс. Натурщик сколупнул с ложбинки на щеке запекающуюся кровь. – Оттого меня так и назвали – «данный Зевсом». Кстати, это с меня ваял Азариас прославленный Гермеса, что стоит у рынка и в делах торговых Пергаму помогает. А мать моя...

- Мать твоя – потаскуха пергамская, миролюбиво сказал второй оборванец, вылизав со стола последнюю каплю вина. И втроем они затаили: «Всё-о проходит-т! Всё-о!»

Октябрь 2018
